

На правах рукописи

Живой Андрей Сергеевич

**СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону-2017

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

**Научный
руководитель** доктор философских наук, доцент
Воденко Константин Викторович

**Официальные
оппоненты:** **Ляужева Светлана Аслановна,**
доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный
университет», кафедра философии
и социологии, профессор

Лубский Роман Анатольевич,
доктор философских наук, доцент
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
кафедра административного права, профессор

**Ведущая
организация** **ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»**

Защита состоится «08» декабря 2017 г. в 10.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21 Ж) и на сайте: <https://hub.sfedu.ru/diss/announcement/>

Автореферат разослан «__» ноября 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Верещагина
Анна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сложные перипетии истории российского общества многократно и в различных ракурсах, образах и идеологемах воспроизводятся в сознании и бессознательных пластах ментальности поколений. В известном высказывании о том, что история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, а второй раз в виде фарса, уловлено и выражено то, что любое повторение никогда не совпадает во всех чертах с повторяемым явлением¹. Не только в объективных исторических событиях, но и в памяти поколений повторение всегда выглядит по-разному, но, тем не менее, уйти от него не удастся. Прошлое общества продолжает оказывать многостороннее и сложное влияние на ментальность народа и психологию составляющих его индивидов, находя выражение и опредмечивание в феномене социальной памяти. Согласно известному высказыванию Эдварда Шилза, «общество не было бы обществом без преемственности. Механизмы воспроизводства придают ему длительность, которая позволяет определять его как общество»².

Одним из важнейших компонентов процесса становления идентичности общества и его граждан является социальная память – сохранение в общественном сознании актуальной репрезентации событий прошлого. Это так в силу темпорального единства исторического процесса, многоаспектного взаимодействия и взаимного влияния прошлого, настоящего и будущего как временных модусов жизнедеятельности общества. В этой взаимосвязанности темпоральных модусов осуществляется и сохраняется социокультурная преемственность, составляющая основу поддержания идентичности как на уровне общества в целом, так и на уровне каждого индивидуального сознания.

Являясь мощным инструментом формирования идентичности, социальная память репрезентирует и интерпретирует прошлое сообщества,

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е изд.). Т. 8. М.: Изд-во политической литературы, 1957. С. 12.

² Shils E. Tradition. London and Boston: Faber & Faber, 1981. Pp. 167.

через формируемое видение прошлого создает определенное освещение и социальную оценку настоящего, обеспечивая ему культурную и моральную легитимацию. Кроме того, без хранения в памяти и интерпретации прошлого невозможно социальное проектирование будущего.

Такая функциональная нагруженность социальной памяти обуславливает непреходящую актуальность для общества исследования проблем, связанных с социальной памятью и амнезией. Особенно остро подобные проблемы стоят перед современным российским обществом, все еще находящимся в процессе психологической отработки и переосмысления своей сложной и неоднозначной, в значительной мере героической, но и трагической истории. Несмотря на стремительные изменения, которые приносит двадцать первый век, основные вехи российской истории прошлого столетия по-прежнему приковывают к себе внимание исследователей, политических деятелей, публицистов, поскольку до сих пор не сложилось единства их социальной оценки. Нет и стабильной единой социальной оценки деятельности многих исторических личностей XX века. До настоящего времени их историческая роль является предметом острых и эмоционально насыщенных дискуссий, затрагивающих и сущность событий и процессов российского настоящего, и перспективы будущего.

Социально-экономическая поляризация общества, отсутствие единства в оценке исторической роли тех или иных исторических личностей и общественных сил, долговременный дефицит открытой объективной информации о многих событиях прошлого, сменившийся в годы перестройки шквалом травмирующей критики, идеологические мифы прошлого и тенденциозность деидеологизации, – все эти факторы интенсивно воздействовали и воздействуют на историческое сознание масс, дестабилизируя его, подвергая мифологизации и манипулятивной, деформирующей демифологизации. Социальная память и ее оборотная сторона – социальная амнезия, представляют собой эффективные инструменты такого манипулирования культурным образом прошлого.

Целенаправленное уничтожение или деформация коллективной памяти о прошлом опасны тем, что способны в короткий срок ослабить и свести на нет межпоколенческие культурные связи, дискредитировать и обесценить социальные ценности, разорвать преемственность поколений. Коллективное беспомыслие имеет губительные для общества последствия. Известный отечественный социальный мыслитель Ж.Т. Тоценко для характеристики этого феномена использует слово «манкурт» из романа Ч. Айтматова, называя манкуртизмом особую, губительную для общества «форму исторического беспомыслия»³.

Проблематика социальной памяти и исторического сознания приобретает особенно острую актуальность в связи с потребностью в переосмыслении прошлого и расстановке новых политических и идеологических акцентов, возникшую после 2014 года из-за сложной геополитической ситуации вокруг Украины, ухудшения вслед за этим международных отношений, введения экономических санкций против России и ответных контрсанкций. Следствием всех этих событий и процессов стала интенсификация общественного запроса на переосмысление и реинтерпретацию советского и досоветского прошлого и актуализация теоретического, в частности социально-философского изучения феномена социальной памяти.

Таким образом, общественная актуальность исследования социальной памяти обусловлена обострившейся потребностью современного российского общества в углубленном осмыслении прошлого, исторических событий и роли выдающихся личностей отечественной истории, возникновением острого запроса молодых поколений, не имеющих возможности сформировать оценку прошлого на основе собственного опыта, на осмысление прошлого и осознанную память о нем.

Помимо этого, тема настоящего исследования обладает и научно-теоретической актуальностью, которая определяется имеющимся дефицитом

³ Тоценко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.; Тоценко Ж.Т. Манкуртизм как форма исторического беспомыслия. М.: Новый хронограф, 2012. С. 224-231.

в отечественной научной литературе специальных работ, посвященных социально-философскому исследованию феномена социальной памяти, его экзистенциальных оснований в бытии сообщества, специфики представленности и функционирования социальной памяти и социального забвения в современном российском обществе.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика социальной памяти получила и в настоящее время получает широкое освещение в отечественной и зарубежной научной литературе. Этому способствует и непреходящая актуальность вопросов, связанных с хранением и передачей социальной памяти, и междисциплинарная принадлежность темы, обуславливающая заинтересованность в ней представителей не только социально-философского знания, но и культурологии, семиологии, теории коммуникации, социологии культуры, политологических и исторических дисциплин. Такое разнообразие срезов позволяет обеспечить всесторонний анализ предмета, но в то же время и вносит некоторые затруднения, связанные с различиями подходов и несогласованностью семантики понятия.

Особенностью рассмотрения феномена социальной памяти в предметной области философии является, на наш взгляд, существенный акцент на связи проблематики социальной памяти и темпоральности социального бытия, а также на атрибутировании ее социальному субъекту. Парадоксальность времени, выраженную в совмещенности в нем объективной и субъективной составляющих, европейские философы видели еще с античности, когда представители элейской школы Парменид и Зенон доказывали его принадлежность субъективному «миру мнения». Платон дал философско-мифопоэтическую трактовку природы памяти и забвения. В философии Августина обосновывается онтологическая связь памяти и природы времени.

Наиболее глубокая и яркая концепция времени в его отношении к субъектности принадлежит И. Канту, видевшему во времени априорную

форму внутреннего созерцания, изначально принадлежащую структуре субъекта⁴.

Посткантовская европейская философия наследует базовые интуиции кантианства, касающиеся нерасторжимой связи времени и бытия сознающего субъекта. Г. Гегель, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, неокантианские школы рассматривают субъектность сознания и его бытие через призму темпоральных модусов – прошлого, настоящего и будущего⁵. Возникшие на методологической основе феноменологии и неокантианства направления социальной мысли – феноменологическая социология А. Шюца и понимающая социология М. Вебера – каждая по-своему продолжают эту линию применительно к изучению социальной субъектности и социального действия, традиции как института трансляции социальной памяти, жизненного мира и естественной установки в переживании повседневности⁶.

Важнейшую роль в изучении социальной памяти сыграли классические работы М. Хальбвакса, в которых обосновывается концепция коллективной сущности коммеморации и проводится фундаментальное различие между историческим сознанием и собственно социальной памятью. Идеи Хальбвакса обладают непреходящим методологическим значением для исследования социальной памяти⁷.

⁴ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. С. 229; [Алиева Ч.Э. Феноменология: Э. Гуссерль и М. Хайдеггер // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Вып. 7. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001; Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.; Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. и пред. В.И. Молчанова. М.: Издательство «Гнозис», РИГ «ЛОГОС», 1994. 177 с.; Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб., 2001. 460 с.](#)

⁶ Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4-х томах. Том 1. Социология. Издательство: Высшая школа экономики (государственный университет), 2016 г.; Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические знания. 1988. № 2.

⁷ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27; Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко / Отв. ред., послесл. А.Т. Бикбов. СПб.: Алетейя, 2000. 509 с.; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Отдельное направление составляют культурологические и культурально-исторические исследования. Классическими в этом научном направлении являются труды Я. Ассмана, А. Варбурга, Ф. Йейтс, П. Хаттона, в которых анализируются культурные каналы трансляции социальной памяти – текст, ритуал, мифология, материальные артефакты, произведения искусства⁸.

Центральное место концепт социальной памяти занимает в традициологии. Усилия исследователей, занимающихся проблемами межгенерационной трансляции аксиологической и когнитивной информации, направлены на осмысление динамики этого процесса. Авторы советского периода, такие как Э.В. Маркарян, основывали концепцию передачи социальных знаний и образцов на деятельностном подходе. М.К. Петров разработал самобытную теорию социальной памяти и ее связь с процессами трансляции и трансмутации как формами воспроизводства знания в обществе⁹.

В зарубежной традициологии проблемами сохранения и трансляции социальных ценностей занимались такие исследователи, как Э. Шилз и Ш. Эйзенштадт, использовавшие символический структурализм для объяснения кодирования и передачи сакральных ценностей, лежащих в основе единства сообщества¹⁰. В то же время существует и активно развивается более конкретный пласт социального и культурологического знания, где феномен социальной памяти рассматривается и анализируется в разных контекстах без обращения к фундаментальной онтолого-философской терминологии и проблематике. На этом уровне наблюдается определенный эклектизм, обусловленный различием присущих каждой науке подходов и методологий,

⁸ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская Книга, 1997. 480 с.; Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. 424 с.; Warburg A. Der Bilderatlas MNEMOSYNE / M. Warnke, C. Brink (red.). Akademie Verlag. Berlin, 2000.

⁹ Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80; Петров М.К. Язык, знак, культура. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.

¹⁰ Shils E. Tradition. London and Boston: Faber & Faber, 1981; Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973.

а также отсутствием четких семантических дистинкций между понятиями «социальная память», «культурная память», «коллективная память», «историческая память», – все эти понятия используются в различных дисциплинарных контекстах в близких значениях, границы между которыми часто размыты. В силу этого достаточно сложно однозначно оценить степень разработанности тематики социальной памяти и тем более связать в едином концепте перечисленные грани феномена сохранения социокультурного образа прошлого.

Ряд исследователей как советского, так и постсоветского периода останавливаются на трактовке социальной памяти прежде всего как специфической информации о прошлом, социальной по содержанию и принадлежащей самоописанию той или иной социальной группы. Такую позицию занимают (при некотором различии нюансов) Я.К. Ребане, А.Д. Урсул, Б.С. Илизаров, В.А. Ребрин, Е.В. Грязнова и др.¹¹. Такой ракурс исследования обеспечивает понимание социальной памяти с акцентом на ее роль в процессе социального познания и исторического развития общества.

В работах Ю.А. Левады развит подход к изучению социальной памяти как ключевого компонента исторического сознания и социально-психологической основы эволюционного развития последнего от непосредственного запоминания событий до современного научного исторического сознания¹².

Неоднозначность, поливариантность и множественность видений прошлого разными социальными группами исследовалась А. Шюцем

¹¹ *Грязнова Е.В.* Социальная память как элемент культуры // *Человек и культура*. М.: НБ-Медиа, 2015. № 5. С. 92-106; *Илизаров Б.С.* Роль ретроспективной социальной информации в формировании обществ, сознания (в свете концепций о социальной памяти) // *Вопросы философии*. 1985. № 8. С. 60-69; *Ребане Я.К.* О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. 1966. Вып. 187; *Ребане Я.К.* Принцип социальной памяти // *Философские науки*. 1977. № 5. С. 37-42; *Ребрин В.А.* Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. С.44-45; *Урсул А.Д.* Информация и культура // *Философия и культура*. 2011. № 2. С. 98-112.

¹² *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки*. М.: Наука, 1969. С. 186-224.

(множественные реальности и опыт их переживания) и М. Хальбваксом (множественность культурных «памятей»)¹³.

Современные отечественные исследователи рассматривают социальную память в соотнесенности с экзистенциальным и социальным временем (Т.И. Барсукова, З.Л. Черниева, Ю.М. Мельник, В.П. Римский). О.Т. Лойко в докторской диссертации исследует онтологические основания бытийствования социальной памяти. В работах Д.А. Аникина развивается топологический подход к изучению социальной памяти, которая рассматривается им как особое пространство. Исследования Д.А. Аникина и В.Б. Устьянцева посвящены специфике трансляции социальной памяти в современном глобализирующемся обществе и сопряженным с этой спецификой идентификационным рискам. Методологические проблемы изучения социальной памяти как элемента культуры и информационного феномена рассматривает Е.В. Грязнова. В диссертации А.Н. Уткиной анализируются процессы трансляции социальной памяти и, в частности, трансляционная специфика ритуальных практик. Работы В.Д. Байрамова, В.А. Кирика, А.М. Кумыкова, О.И. Кускаровой, Р.А. Лубского, С.А. Ляушевой посвящены факторам и последствиям социальной амнезии в контексте конструирования российской идентичности¹⁴. Тему социальной амнезии затрагивает и Ж.Т. Тощенко, характеризуя ее как «манкуртизм» и выявляя ее манипулятивную природу¹⁵.

¹³ *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические знания. 1988. № 2; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

¹⁴ *Лубский Р.А.* Проекты nation-building и формирование национально-государственной идентичности в России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 35-41; *Ляушева С.А., Кускарова О.И.* Сущность взаимосвязи социальной, культурной и этнической идентичностей в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 22-27; *Vayratov V.D., Kirik V.A., Kutykov A.M., Lyausheva S.A.* Social memory deformations in locus of relationship between the past and present. Review of European Studies. 2015. Т. 7. № 7. С. 201-208.

¹⁵ *Барсукова Т.И.* Социальная память и время: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1991; *Бакиева Г.А.* Социальная амнезия // Полисфера. Электронный научно образовательный журнал. 2002. URL: <http://polysphere.freenet.kg/no1/PSF1A12.htm> (дата обращения 20.10.2015); *Кумыков А.М.* Проблема социальной амнезии в предметном пространстве социально-философской рефлексии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 188; *Лойко О.Т.* Онтология социальной памяти: автореферат. дисс. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2004. 54 с.; *Мельник Ю.М., Римский В.П.* Экзистенциальное время:

В контексте сопоставления традиционных и современных проинновационно ориентированных обществ исследует трансляцию социальной памяти Н.С. Шаповалова. Динамику социальной памяти и ее влияния на идентичность в обществах, проходящих модернизационные трансформации, отслеживает В.В. Лыкова. В работах Е.Е. Герасименко рассматривается динамика и специфика межпоколенческой трансляции социальной памяти в сравнительном анализе личных воспоминаний участников событий и массовых коллективных представлений, а также роль музейной деятельности в процессе воспроизводства идентичности и освоения «локусов памяти» в коммеморативном пространстве. Процессы межпоколенческой передачи социальной памяти исследует и Е.Я. Михеев¹⁶.

Значение бессознательного уровня социальной памяти, зафиксированной в структурах общественного менталитета, и его влияние на формирование идентичности исследуют А.В. Соколов, Ф.В. Советов¹⁷. В этой связи значимой представляется и концепция интегрального менталитета общества, разработанная Б.С. Гершунским¹⁸.

Процессы становления современной российской идентичности и отражающие их философские и политические дискурсы, затрагивающие социальную память, рассматривает в своей диссертации А.Х. Тлеуж¹⁹. Интересы ряда современных отечественных исследователей сфокусированы

категория и концепт // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 10. С. 24-36; *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Новый Хронограф, 2011. С. 244-256; *Тощенко Ж.Т.* Манкуртизм как форма исторического беспамятства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 224-231; *Черниева З.Л.* Экзистенциальное время и культура: дисс. ... канд. культ. Екатеринбург, 2004. С. 4; *Устьянцев В.Б., Аникин Д.А.* Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации // Философия и общество. 2011. № 4. С. 58-69; *Уткина А.Н.* Роль ритуала в трансляции содержания социальной памяти: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2012. 28 с.

¹⁶ *Михеев Е.Я.* Межпоколенческие отношения в современной России: проблемы социокультурной преемственности: автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2005. 24 с.

¹⁷ *Советов Ф.В.* Интегративный потенциал русского менталитета: автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2007. 37 с.; *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.

¹⁸ *Гершунский Б.С.* Философия образования. М.: Московский психолого-социальный институт, 1998. 432 с.

¹⁹ *Тлеуж А.Х.* Конструирование российской коллективной идентичности: социально-философский анализ: автореферат дисс. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 49 с.

на проблематике официальной политики памяти как элемента целенаправленного, «политтехнологического» конструирования правящей элитой легитимирующей идентичности. Этой теме посвящены работы Д.И. Гигаури, И.И. Глебовой²⁰. В работах И.И. Глебовой, в частности, анализируется процесс конструирования образов прошлого как своеобразных опорных структур для формирующейся российской идентичности. Официальная версия социальной памяти рассматривается исследовательницей как доминирующая в российском коммеморативном пространстве традиционная (однозначная) парадигма видения прошлого, осуществляемая за счет эксклюзии альтернативных форм коммеморации. Роль образов прошлого и влияние социальной памяти на современные идентификационные процессы рассматривается Ю.П. Денисовым, Е.А. Мокроусовой, И. Томашовым. В исследованиях Ю.П. Денисова, В.В. Богданова, С.Н. Макаренко, А.В. Байлова детально рассматривается конструирование образа ВОВ в массовом сознании современных россиян с точки зрения его потенциала объединения всех носителей коммеморативных интерпретаций как модели достижения общественного консенсуса относительно социальной памяти²¹.

²⁰ Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 59-64; Глебова И.И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: автореф. дисс. ... д-ра политол. наук. Москва, 2007.

²¹ Герасименко Е.Е. Музей в институционализации социальной памяти: автореф. дисс. ... канд. культ. Санкт-Петербург, 2012; Лыкова В.В. Трансформация социальной памяти в модернизационных процессах современной России // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2011. № 17. С. 259-265; Шаповалова Н.С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ: автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Саратов, 2012. 18 с.; Михеев Е.Я. Межпоколенческие отношения в современной России: проблемы социокультурной преемственности: автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2005. 24 с.; Советов Ф.В. Интегративный потенциал русского менталитета: автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2007. 37 с.; Соломина И.Ю. Социальная память: структура и феномены: автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Самара, 2005. 19 с.; Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.; Тлеуж А.Х. Конструирование российской коллективной идентичности: социально-философский анализ: автореферат дисс. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 49 с.; Гершунский Б.С. Философия образования. М.: Московский психолого-социальный институт, 1998. 432 с.; Гигаури Д.И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов:

Приведенный анализ степени разработанности тематики социальной памяти и ее влияния на формирование современной российской идентичности показывает, что тема данного диссертационного исследования является достаточно востребованной и репрезентированной в научной литературе. В особенности это касается работ, посвященных самым актуальным аспектам темы, связанным с участием образов прошлого в современных идентификационных процессах в России. Однако нам представляется очевидным дефицит разработанности данной темы в том, что касается ее системного рассмотрения, способного объединить методологические, онтолого-философские, культуролого-семиотические и философско-политические аспекты. Необходимость такого объединяющего подхода диктуется недостаточной ясностью как интерпретации самого понятия социальной памяти, так и оценки ее влияния на становление современной российской идентичности. Наличие высококачественных специализированных исследований по отдельным аспектам темы свидетельствует о сформированности теоретической базы для такого комплексного исследования. Настоящая диссертация представляет собой попытку восполнения указанного пробела.

Целью диссертационной работы является исследование влияния социальной памяти на процесс становления современной российской идентичности.

Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 59-64; *Глебова И.И.* Образы прошлого в структуре политической культуры России: автореф. дис. ...д-ра политол. наук. Москва, 2007; *Богданов В.В., Макаренко С.Н., Байлов А.В.* Социальная память как фактор становления правового сознания // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч. 2). С. 244; *Денисов Ю.П.* Современные сети русскоязычного интернета как источник формирования образа Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 507; *Томашов И.* Конструирование исторической памяти как фактор внутренней политики в современной России // Сборник [XIV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 4](#) / Под ред. [Е.Г. Ясина](#). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 494-502; *Мокроусова Е.А.* Социальная память: образы прошлого в настоящем // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5. С. 134-136.

Для достижения данной цели необходимо последовательное решение следующих **задач**:

- очертить семантические границы понятия «социальная память»;
- рассмотреть имеющиеся в социальной философии методологические подходы к изучению социальной памяти и обосновать выбор оптимального подхода;
- охарактеризовать основные каналы трансляции социальной памяти;
- исследовать факторы и механизмы социальной амнезии как элемента конструирования социальной памяти в идентификационных процессах;
- выяснить роль социальной памяти в формировании диахронного единства современного российского общества;
- выявить влияние образов прошлого в перспективе становления современной российской идентичности.

Объектом исследования выступает социальная память российского общества.

Предметом исследования являются особенности конструирования и трансляции социальной памяти в процессе становления современной российской идентичности.

Гипотеза исследования. Социальная память представляет собой средовое семиотическое образование, содержащее интерпретацию коллективного прошлого сообщества на основании базового символического кода. Эта интерпретация обеспечивает самоопознание сообщества в темпоральном потоке как сверхиндивидуальной воспроизводящейся целостности. Такое самоопознание происходит в единстве сознательного (идентичность) и бессознательного (менталитет) уровней.

От поколения к поколению социальная память сообщества транслируется в формах спонтанных коллективных коммемораций и целенаправленной «политики памяти», представляющей собой практики конструирования в массовом сознании образов прошлого, способных стать коммеморативной основой легитимации наличного социального порядка.

Обе формы оперирования с коллективным прошлым участвуют в становлении идентичности.

Становление новой российской идентичности нуждается в формировании единой коммеморативной основы, что представляет собой сложную задачу, поскольку российское общество до сих пор испытывает на себе последствия социокультурного раскола и не обладает коммеморативным единством. Различные группы населения по-разному видят и оценивают историческое прошлое, формируя полярно противоположные коммеморативные солидарности.

В настоящее время властные элиты проводят «политику памяти», направленную на конструирование объединяющих образов российского прошлого, позволяющих сформировать единую картину социальной памяти. Одновременно в массовом сознании, в том числе в социальных сетях, в мировоззрении гражданского общества, спонтанно складывается аналогичное единство социальной памяти, преодолеваются противоречия. Совпадение обоих векторов может стать опорой в становлении российской идентичности.

Теоретико-методологической основой исследования являются идеи и труды отечественных и зарубежных классиков философии, культурологии, семиотики культуры, разработывавших концепции социальной памяти как значимого компонента индивидуальной и коллективной идентификации. Поскольку социальная память представляет собой в самом общем смысле ориентационное освоение социальным субъектом своего бытия и своего жизненного мира в единстве темпоральных модусов прошлого, настоящего и будущего, ее исследование предполагает обращение к идеям И. Канта, М. Вебера, Э. Гуссерля, А. Шюца о связи темпоральности и бытия субъекта²².

²² *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.; *Вебер М.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4-х томах. Том 1. Социология. Издательство: Высшая школа экономики (государственный университет), 2016; [Алиева Ч.Э. Феноменология: Э. Гуссерль и М. Хайдеггер // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации](#). Вып. 7. Материалы научной конференции. [Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество](#), 2001;

Рассмотрение социальной памяти в единстве таких ее компонентов, как коллективное сознание и коллективное бессознательное осуществляется автором на основе использования методологии символического структурализма, развиваемого Ш. Эйзенштадтом²³, и культурно-семиотического подхода, представленного работами Ю.М. Лотмана²⁴. Использование этих методов позволяет рассматривать социальную память не только как совокупность знаний и представлений, фиксирующих социокультурный опыт поколений, но и как систему символических кодов, транслируемых на уровне коллективного бессознательного. Культурно-семиотический подход является базовым для настоящего исследования, чем обеспечивается возможность анализа образно-символической структуры социальной памяти как ядра коммеморативной составляющей коллективной идентичности. Существенное методологическое значение для работы имеют разработки М.К. Петрова²⁵, касающиеся социальной памяти, в частности, понятия трансляции и трансмутации как различающихся механизмов усвоения социальной памяти при передаче ее от поколения к поколению; положения теории коллективной памяти М. Хальбвакса, в особенности его идеи о различии исторического сознания и коллективной памяти, включающей в себя бессознательные ментальные пласты²⁶, а также теоретические идеи Э. Дюркгейма, исследовавшего роль транслируемого в символических структурах опыта поколений в формировании базовых для

Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.; *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. и пред. В.И. Молчанова. М.: Издательство «Гнозис», РИГ «ЛОГОС», 1994. 177 с.; *Черняков А.Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб., 2001. 460 с.; *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические знания. 1988. № 2.

²³ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.; *Eisenstadt S.N.* Tradition, Change, and Modernity. New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973.

²⁴ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

²⁵ *Петров М.К.* Язык, знак, культура. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.

²⁶ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27; *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко / Отв. ред., послесл. А.Т. Бикбов. СПб.: Алетейя, 2000. 509 с.; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

интеграции и идентификации сообщества коллективных представлений²⁷. При исследовании влияния конструируемых образов прошлого на формирование современной российской идентичности существенным методологическим ориентиром послужили работы И.И. Глебовой, посвященные специфике политики памяти в России²⁸.

Диссертационное исследование содержит следующие элементы **научной новизны**:

– показана системообразующая роль социальной памяти в становлении и поддержании коллективной субъектности;

– обоснованы приоритетность и эвристический потенциал культурно-семиотического подхода к исследованию влияния социальной памяти на становление коллективной идентичности;

– установлено, что социальная память транслируется множеством каналов как единая семиотическая среда, обеспечивающая символические основания осознанного и бессознательного самовосприятия общества как надындивидуальной экзистенциальной целостности и ценности;

– выяснено, что социальная амнезия является элементом селективного конструирования образов социальной памяти в контексте осуществления политики памяти, направленной на эксклюзию альтернативных коммемораций;

– показано, что идентификационные риски, возникающие в процессе направленного конструирования социальной памяти современных россиян, определяются противоречиями относительно интерпретации исторического прошлого, препятствующими бесконфликтному становлению новой российской идентичности;

²⁷ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с франц., составл., вступ. ст. и примеч. А. Гофмана. М.: Канон, 1995. 3-е издание, доп. и испр. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 400 с.

²⁸ Глебова И.И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: автореф. дисс. ...д-ра политол. наук. Москва, 2007.

– обоснована возможность достижения коммеморативного консенсуса в отношении прошлого как основы становления современной российской идентичности.

Сформулированные элементы новизны конкретизируются в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Социальная память не только является коллектором ретроспективной информации, принадлежащей сообществу и оформляющей коллективный «образ прошлого», но и привязана в своем содержании к инварианту символической парадигмы, в которой живет общество как коллективный субъект идентификации и посредством которой он реализует коллективное единство интерпретации прошлого. Эта парадигма репрезентируется в символических нарративах и коммеморативных образах, транслирующих коллективные представления экзистенциального содержания, касающиеся ключевых проблем человеческого бытия и способов их решения, в основу которого кладется символически закодированный экзистенциальный опыт предшествующих поколений.

2. Необходимость применения к исследованию социальной памяти методологических подходов, позволяющих интерпретировать символические структуры коллективных самоописаний, определила ценность культурно-семиотического подхода, фокусирующегося на анализе смыслов и значений, транслируемых в нарративах экзистенциального содержания и входящих в коллективную память. Для исследования влияния социальной памяти на идентификационные процессы продуктивным представляется совмещение структурно-функциональной методологии, традиционно используемой в качестве базовой при изучении процессов и факторов социальной идентификации с культурно-семиотическим подходом, посредством которого исследуются символические коды и значения, входящие в содержание социальной памяти.

3. Трансляция социальной памяти осуществляется посредством многообразных каналов и механизмов, таких как материальные артефакты

культуры социальной или этнической группы, стиль жизни, характер устойчивых повседневных практик. Их специфика в каждом конкретном обществе определяется типом культуры и доминирующими средствами коммуникации. Многоуровневость процесса трансляции определяется тем, что социальная память представляет собой целостность, охватывающую сакральные основания самоидентификации социального субъекта, образуя единую семиотическую среду, обеспечивающую общие символические основания осознанного и бессознательного самовосприятия общества как надындивидуальной экзистенциальной целостности и ценности.

4. Селективные механизмы актуализации социальной памяти функционируют посредством социальной амнезии. Социальная амнезия характеризует процесс формирования коллективной памяти сообщества как спонтанный, так и целенаправленно-манипулятивный. В памяти доминирующей группы травмирующие события прошлого могут сохраняться в сглаженном, «адаптированном» виде, или же вообще подвергнуться забвению, тогда как социальная память других групп может акцентировать эти события, делая смысловым центром своих интерпретаций истории пережитую группой травму и позиционируя членов группы в качестве активных носителей этой памяти. Конструирование социальной памяти с помощью социальной амнезии как ее дефицитарного компонента затрагивает глубинные слои коллективной идентичности. Подвергая забвению те или иные исторические события, культурные реалии, общество деформирует в нужную ему сторону находящуюся в процессе динамического становления коллективную идентичность посредством эксклюзии травмирующих коммемораций.

5. В современном российском обществе коммеморативные процессы в своей динамике отражают глубинные противоречия социокультурного развития (архетип раскола). Идентификационные риски, возникающие в динамике социальной памяти современных россиян, определяются противоречиями относительно интерпретации исторического прошлого.

Межгенерационная трансляция социокультурного опыта в российской истории достаточно давно приобрела рискогенные характеристики конфликта ценностей и моделей идентификации. Отпечаток этого укорененного в менталитете россиян конфликта ложится и на содержание социальной памяти. Официальная политика памяти, вписанная в консервативный проект будущего, предлагаемый современной российской элитой, нацелена на то, чтобы сгладить остроту долговременных противоречий и обеспечить интеграцию противоречащих друг другу версий прошлого российского общества и государственности в жизнеспособную структуру коллективной идентичности.

6. Социальная память, входящая в структуру идентичности, работает на ее позитивное и скрепляющее общество содержание только в том случае, если в общественном сознании сформирована сбалансированная картина прошлого, в которой не играют разрушительную роль противоречия по поводу интерпретации и оценки исторических событий. Современному российскому обществу и элите необходим коммеморативный консенсус по поводу интерпретации прошлого, который может возникнуть при совпадении векторов официального целенаправленного конструирования образов прошлого, работающих на снижение общественного противостояния и формирование позитивной смысловой нагрузки российской идентичности, и спонтанной коммеморативной активности групп и индивидов в контексте самопозиционирования гражданского общества как субъекта социальной памяти.

Научно-теоретическая значимость исследования определяется полученными результатами, позволяющими углубить имеющиеся теоретические представления о характере влияния специфики социальной памяти россиян на процесс конструирования современной российской идентичности, а также обусловлена недостаточной разработанностью в отечественной научной литературе тематики, связанной с семиотикой

социальной памяти в контексте идентификационных процессов в современной России.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования полученных результатов в аналитической деятельности всех уровней, направленной на разработку политики памяти и конструирование образов прошлого как опорных коммеморативных структур в процессе формирования современной российской идентичности.

Материалы диссертации могут оказаться полезными для разработки теоретических и практических курсов по социальной философии, семиотике культуры, культурологии, политологии, истории и теории культуры.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на научно-практических конференциях различного уровня с 2015-2017 гг., среди которых: Международная научная конференция «Поликультурные регионы: проблемы и возможности гармонизации межэтнических отношений» (Ростов-на-Дону, 2017 г.); Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (Ростов-на-Дону, 2016 г.; Международная научная конференция «Научное обеспечение регионального развития» (Ростов-на-Дону, 2015 г.).

Основное содержание диссертационного исследования отражено в 6 научных публикациях, включающих 4 статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в Перечень, утвержденный ВАК Минобрнауки Российской Федерации, и 2 брошюры. Общий объем публикаций составляет 5,0 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (шести параграфов), заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяется степень ее научной разработанности, формулируются его цель

и задачи, указываются методологические ориентиры, излагаются элементы научной новизны, выдвигаются положения, выносимые на защиту, обозначается практическая и теоретическая ценность полученных результатов и характер их научной апробации.

Глава первая «СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» посвящена рассмотрению теоретико-методологических аспектов исследуемой темы.

В параграфе 1.1. «Смысловые измерения понятия «социальная память» автор подчеркивает, что понятие «социальная память» имеет своим референтом как содержательную репрезентацию транслируемых ценностей, образцов и опыта, так и многочисленных носителей этого содержания. Одним из главных параметров онтологии социального бытия является вписанность человека как самостоятельной единицы и члена общества в темпоральный поток, а следовательно, перед ним стоит необходимость ориентироваться в этом потоке. В структуре темпоральных модусов прошлого, настоящего и будущего общество должно обрести постоянство самовосприятия и самоопределения перед экзистенциальными вызовами, осмыслить себя как коллективный субъект, носитель представлений и ценностей, с которыми отождествляет себя в процессе идентификации. По мнению автора, единство и самоидентичность коллективного субъекта в темпоральном потоке воплощается в феномене социальной памяти, репрезентирующей прошлое сообщества в его неразделимом единстве с проективными представлениями о будущем. Таким образом, социальная память является центральной структурой самовоспроизводства надындивидуального духовного облика общества, его культуры и ценностей, она образует проходящую сквозь время основу его идентичности.

Социальная память бытийствует на двух уровнях: коллективного сознания и коллективного бессознательного, в осознаваемой и концептуализируемой идентичности и в неосознаваемых по большей части глубинных пластах менталитета. Бессознательное содержание социальной

памяти репрезентирует себя в символических структурах, кодирующих ключевые смыслообразующие представления и ценности, составляющие специфику идентичности. Среди многообразных подходов к пониманию социальной памяти следует поэтому отдать приоритет культурно-семиотическому, позволяющему видеть в социальной памяти прежде всего систему символических кодов и значений. Необходимо подчеркнуть, что темпоральность является принадлежностью субъекта, и в социальном бытии именно субъект может рассматриваться как онтологический источник социального измерения темпоральности. Но поскольку это так, социальное бытие, являющееся достоянием и продуктом субъекта, по определению обладает темпоральной природой. Поэтому важнейшим компонентом социального бытия является переживание и осмысление течения времени и обыгрывание его в различных ритуальных практиках, космологических и эсхатологических мифах и доктринах, идеологических построениях. Таким универсально-человеческим механизмом осмысления и сохранения трансцендентного измерения субъектности является память в ее двух аспектах: индивидуально-личностном и социальном. Социальная память находится в фундаментальной взаимосвязи с экзистенциальным переживанием темпоральности.

Экспансия вовне, подчеркивает автор, является основной бытийной характеристикой субъекта. Выражая себя в целеполаганиях и действиях по отношению к внешнему миру, субъект расширяет сферу своего доступа и влияния и фактически тем самым расширяет и обогащает себя. Темпоральность в этой связи обеспечивает самое ценное - раскрытие и экспансию субъекта в модусе будущего, его реализацию через социальное проектирование будущего и осуществление этих проектов и перспектив. Но все три модуса темпорального самовосприятия субъекта находятся в онтологической неразрывной связи, объединяющей настоящее, будущее и прошлое в едином движении целеполагания. Самоидентичность и единство социального бытия субъекта реализуются в противоречивом

присутствии всех трех модусов времени в историческом процессе развертывания субъектности. Внутренняя противоречивость темпоральной включенности субъекта обусловлена напряженностью между экзистенциальными модусами прошлого и будущего, тенденции поддержания стабильности и тенденции изменчивости.

Социальная память представляет собой способ ориентации и адаптации сообщества к времени как фундаментальному условию существования и тем рискам и вызовам, которые бытие во времени предъявляет сообществу. Экзистенциальным ответом на риски и вызовы темпорального бытия является самосохранение и самоосознанность, что на индивидуальном и социальном уровне позиционируется как идентичность. Таким образом, социальная память прежде всего может быть определена как способ и результат сохранения идентичности сообщества во времени.

Поскольку идентичность сообщества является выражением его самосознания в качестве единого надиндивидуального субъекта, социальная память одновременно и скрепляет единство сообщества, и укореняет во времени коллективные представления о ценном, значимом и социально приемлемом. Она фиксирует базовые экзистенциальные смыслы, вокруг которых строится жизнь сообщества и осуществляется его субъектная экспансия из настоящего в прошлое и будущее.

Таким образом, распространяя себя на прошлое, сообщество конструирует свою парадигму его видения и интерпретации, идентифицируя тем самым себя по отношению уже не только к настоящему, но и к прошлому, выбирая тем самым, какие из ценностей и смыслов, заявленных в прошлом, оно признает своими и поддерживает в настоящее время.

В параграфе **1.2. «Методологические подходы к философскому исследованию социальной памяти»** автор осуществляет обзор существующих методологических подходов к исследованию социальной памяти. Он констатирует, что в современном социально-философском дискурсе границы понятия «социальная память» несколько размыты.

Определения, даваемые социальной памяти, и понимание этого термина в контексте его развернутой трактовки дают основание считать такое многообразие следствием междисциплинарности этого понятия и вытекающего из нее плюрализма исследовательских подходов.

Рассмотрев в кратком обзоре имеющиеся методологические подходы к исследованию социальной памяти, автор переходит к формулированию основных методологических установок, которые можно использовать в рамках применения культурно-семиотического подхода в синтезе с символическим структурализмом. Основные компоненты, составляющие содержание социальной памяти, образуют, на его взгляд, транслируемые в ее потоке сакральные ценности, составляющие ядро коллективной идентичности; социокультурный опыт сообщества, связанный с переживанием в прошлом тех или иных событий; когнитивные установки и поведенческие образцы, наследуемые от предыдущих поколений и проявляющиеся в повседневном поведении.

Социальная память, таким образом, неотделима от культуры. Ключевой же социальной функцией культуры является трансляционная функция, заключающаяся в том, чтобы обеспечивать продолжение существования общества на протяжении жизни сменяющих друг друга поколений. Эта преемственность поддерживается и длится в историческом времени жизни общества благодаря транстемпоральному единству ценностей, составляющих сакральное ядро социокультурной идентичности. Согласно концепции символического структурализма, представленной Ш. Эйзенштадтом, диахронному изменению подвержена только периферия идентичности социума в его репрезентации в культуре, ядро же культурной традиции остается неизменным, благодаря чему общество имеет возможность воспроизводить себя на протяжении больших периодов времени.

Это воспроизведение опирается на определенные устойчивые символические констелляции, которые проходят сквозь время, претерпевая

переинтерпретации, но в ходе них не утрачивая силы своего влияния на ментальность и идентификационные процессы масс людей, принадлежащих к одному и тому же культурному ареалу. Эйзенштадт полагает, что имеется прямая корреляция между нормативными конфигурациями социальных практик и культурным символизмом, разделяемым сообществом. Осознанное выстраивание социального порядка и легитимирующей его идентичности сообщества имеет своим основанием конкретную символическую парадигму, назначение которой состоит в том, что она является матрицей решения этим сообществом ключевых экзистенциальных проблем человеческой жизни. Категоризируя такие проблемы, Эйзенштадт выделяет среди них проблемы космического бытия человека, то есть проблемы онтологии, а также проблемы его социального бытия. Проблемы второй категории касаются «относительного значения различных характеристик социального существования – таких как религиозные, политические, экономические или ритуальные, – и относительного значения различных характеристик темпоральности, иначе говоря, больший упор на прошлое или на будущее».²⁹ С этой категорией проблем можно, нам представляется, связать и социальную репрезентацию прошлого и будущего в их единстве для сообщества, и в этом задействуется социальная память.

Все люди, ощущающие причастность одним и тем же наделенном высокой значимостью символическим структурам, репрезентирующим сакральные основания социального порядка, идентифицируют себя как находящиеся в предзаданном их индивидуальному существованию экзистенциальном – и социальном - единстве. Это единство становится основой идентификации всех в качестве «коллективного одного».

В главе второй «ТРАНСЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СТРУКТУРЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИДЕНТИЧНОСТИ» показывается, как именно и по каким каналам транслируются символические структуры

²⁹ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

социальной памяти, в каких культурных формах они воспроизводятся, как соотносятся между собой осознаваемые и бессознательные составляющие процессов трансляции социокультурного опыта.

В параграфе 2.1. «Основные каналы трансляции социальной памяти» отмечается, что содержания социальной памяти являются таковыми исключительно в диахронном измерении, когда речь идет об их межгенерационной передаче. И идентичность можно представить как динамическую конструкцию, способную изменяться вплоть до нередуцируемого ядра. Поэтому одним из главных аспектов изучения социальной памяти является исследование каналов ее диахронной трансляции.

Воспроизводство идентичности является, по сути, ее диахронным конструированием из позиции в настоящем, и именно из данного момента настоящего создаются образы прошлого, наполняющие социальную память и транслируемые ею. Каналы трансляции ретроспективного содержания, конфигурируемого и интерпретируемого всегда с позиции настоящего, многообразны, поскольку символические структуры ядра идентичности присутствуют и транслируются и в мифологических нарративах, понимаемых согласно Р. Барту, и в ритуальных практиках, и через посещение географических мест, признанных локусами социальной памяти. Социальная память – при всем многообразии институционализированных и неинституционализированных каналов ее передачи – транслируется не как дискретный социокультурный опыт, зафиксированный в символах и образах пережитого прошлого, но как целостная, контекстная семиотическая среда, в которой между знаковыми структурами и их значениями принята сообществом вполне определенная смысловая связь.

Трансляция социальной памяти, как показывает автор, осуществляется посредством многообразных каналов и механизмов, специфика которых в каждом конкретном обществе определяется типом культуры и доминирующими средствами коммуникации. Многоуровневость процесса

трансляции определяется тем, что социальная память представляет собой целостность, охватывающую и сакральные основания самоидентификации социального субъекта, и опыт переживания повседневности и адаптации к ней. Поэтому каналы трансляции социальной памяти – это и ритуальные практики, участие в которых означает для индивида причастность к сакральным смыслам, обобщающим коллективный опыт поколений предков, и мифологические нарративные самоописания, репрезентирующие их экзистенциально-личностный опыт бытия в мире, и «места памяти» в топологии культуры, и материальные артефакты, в которых предками опредмечен опыт пластически-вещественного контакта с окружающей реальностью и адаптации к ней.

Социальная память, таким образом, присущими только ей способами консолидирует общество как целостное социокультурное образование, опознаваемое как определенная идентичность, и является институтом, в функции которого прежде всего входит такая консолидация. С семиотической точки зрения социальная память может рассматриваться как специфическое знаково-символическое явление, обеспечивающее самостоятельность и «надситуативность» коллективного сознания, позволяющее ему преодолевать случающиеся на его историческом пути кризисы идентификации. Как отмечают исследователи³⁰, «масштаб обмена символов смыслами превышает границы отдельного индивидуального сознания, совпадая с масштабом всего культурного поля, целого... Нервом теории символического обмена является мысль о неподконтрольности индивидуальному сознанию действительного механизма культуры».

Как семиотическая среда социальная память, подчеркивает автор, имеет многомерное качество, включая знаковые системы культуры, символические ритуальные практики, нарративные самоописания сообществ и групп. Социальная память образует многослойную семиотическую среду, в которую

³⁰ Макаров А.И. Феномен надиндивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус. Дисс. ... докт. филос. наук. СПб. 2010. С.17.

интегрированы социальные практики таким образом, что текущая повседневность социума обретает прочные символические смысловые основания, и общество способно воспринимать себя в экзистенциальном постоянстве и непрерывности, как нечто целостное и наделенное непреходящей ценностью.

Параграф 2.2. «Социальная амнезия в конструировании социальной памяти и воспроизводстве идентичности» посвящен анализу действия механизмов социальной амнезии. Автор отмечает, что селективные механизмы актуализации социальной памяти дополняет действие аналогичных механизмов социальной амнезии. Симметричный социальной памяти инструмент репрезентации переживаний прошлого, социальная амнезия проявляет себя как спонтанно, так и в порядке применения манипулятивных технологий, посредством которых осуществляется политическое конструирование картины прошлого. Социальная амнезия представляет собой элемент и средство социокультурного конструирования коллективной памяти сообщества, как спонтанного, так и целенаправленно-манипулятивного. Эпоха модерна представляет собой ключевой и наиболее масштабный исторический фактор социальной амнезии. В рамках его действия, однако, имеют место и другие, менее масштабные в социально-историческом смысле, но влиятельные и мощные факторы. Революции, системные реформы и социетальные трансформации сопровождаются идеологическим обеспечением, суть которого состоит в концептуальном обосновании и оправдании новаций за счет и на фоне обесценивания упраздняемого социального и политического порядка. Эта идеологическая деятельность необходимо затрагивает и коренным образом изменяет интерпретацию прошлого, лежащую в основе социальной памяти. Меняется сама концепция социальной памяти, искусственно вытесняются и подвергаются забвению определенные исторические факты и события. Закрепляется в памяти живущего поколения в качестве базового социального нарратива трактовка истории с позиции доминирующей социальной группы.

Поэтому искусственно стимулируемая социальная амнезия может стать весомым фактором деформирования идентичности. Образный термин «социальный манкуртизм», введенный Ж.Т. Тощенко, несет в себе глубокий смысл. Утрата полноценной памяти о собственном прошлом означает отрыв от своих корней, рост дистанции между самосознанием и бессознательными слоями коллективной ментальности, следовательно, рост давления коллективного бессознательного, который может выливаться в повышение общей конфликтности в обществе, актуализацию противоречий в силу отсутствия возможности их проработки.

Обращаясь к ситуации формирования новой российской идентичности, автор отмечает, что этот процесс не может не задействовать социальную память россиян. Здесь возможны альтернативные стратегии оперирования с содержанием социальной памяти. Одна из них заключается в попытке игнорирования сложностей и противоречий в интерпретации прошлого с привлечением технологических инструментов социальной амнезии, но противоречия, глубинные следствия транслируемого из поколения в поколение культурного раскола, угнетающая память о трагических страницах истории не могут быть проигнорированы. Они сохраняются в структурах менталитета и оказывают негативное влияние, проявляясь в подспудном недоверии к властной элите, ослабляя национальную и гражданскую солидарность, превращаясь в препятствие для процесса идентификации.

Вторая альтернатива связана с идеей, продвигаемой частью либеральной интеллигенции и предполагающей проработку негативных содержаний социальной памяти посредством национального покаяния и фактического разрыва идентификационной преемственности с советским периодом. Возникновение этой идеи свидетельствует о том, что негативные коллективные воспоминания вызывают к тому, чтобы быть отрефлексируемыми и преодоленными. Однако деструктивные последствия, которые неизбежно повлечет реализация этой идеи, для массового самоощущения и конструирования позитивной национальной

идентичности, представляются значительными. Такая критическая переинтерпретация прошлого с акцентуацией до сих пор существующих проблем и противоречий может окончательно расколоть общество и привести к новому витку противостояния во всех сферах, от политико-идеологической до культурно-символической.

Идентификационный процесс нуждается для беспрепятственного развития в обретении обществом коммеморативного консенсуса, снятия остроты противоречий и конфликтов относительно содержания социальной памяти.

Глава третья «СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ КОММЕМОРАТИВНЫХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» посвящена исследованию роли социальной памяти как фактора, влияющего на процесс конструирования современной российской идентичности.

В параграфе 3.1. «Роль социальной памяти в формировании диахронного единства российского общества» рассматриваются проблемы диахронной трансляции ценностного ядра российской идентичности и создаваемые в этом процессе идентификационные риски. Автор отмечает, что в современной России, население которой хранит в своем менталитете архетип социокультурного раскола, могут актуализироваться и занять существенное место в общественном сознании разные, в том числе и полярно противоположные интерпретации событий прошлого. Такие интерпретации колеблются в диапазоне между основанными на традиционных ценностях и либерально-демократическими, и представляют собой альтернативные программы работы с образами прошлого в социальной памяти.

В соответствии с этим и коммеморативные практики существенно разнообразны и несут в себе тенденцию к поддержанию полярно противоположных ценностей и смыслов. Можно выделить ряд типов таких практик, за каждой из которых стоит определенная концепция российской истории и интерпретация прошлого. Социальная память россиян остается

конфликтной в самом главном вопросе о выборе коллективной идентичности. В то же время очень сильны ностальгические запросы в отношении сохранения советского образа прошлого как основы современной культурной идентичности. Нарратив коммунистического светлого будущего и самой передовой державы по-прежнему востребован, а сожаление об утраченных возможностях колоссального государства все еще сильны.

Именно эти ностальгические настроения формируют стремление большинства населения к институционализации той социальной памяти, которая позитивно репрезентирует советское прошлое и находится в концептуальном единстве с проектом будущего страны, в котором предусмотрена ориентация на восстановление великой державы и общих контуров организации общества, напоминающих советское. Эта картина прошлого, однако, представляет его односторонним образом, подчеркивая позитивное и героическое содержание, но по возможности подвергая замалчиванию негативные и трагические компоненты советского периода, вытесняя коммеморации, не адекватные такому видению.

С другой стороны, отмечает автор, либеральная концепция прошлого сохраняет сторонников, оперирующих в поддержку этой парадигмы видения прошлого образами и символами альтернативного содержания. Трагические страницы российской истории занимают в этой концепции центральное место, что стимулирует настойчивое стремление к преодолению социальной амнезии в отношении жертв прошлого, их страданий, поддерживает идею общенационального покаяния. Эта картина прошлого, взывавшая к своего рода «коммеморативной хирургии», была актуализирована и превалировала в социальной памяти девяностых годов, но впоследствии отошла на периферию, хотя и не подверглась полному вытеснению.

Существует еще одна альтернативная картина прошлого, связанная с идеализацией дореволюционного российского общества и идентифицирующая Россию с монархическими властными институтами, единством самодержавной государственности и православной веры.

Символы и образы прошлого, питающие эту альтернативную социальную память, были достоянием общественной амнезии в советский период, долгое время практически находились под формальным запретом, но в перестроечные годы они были возвращены в русло легального идентификационного поиска.

В сущности, эти картины прошлого или альтернативные варианты социальной памяти глубоко противоречат друг другу, находятся в безусловном антагонизме и являются частью противонаправленных коммеморативных идеологий. Каждая из этих альтернатив может сосуществовать рядом с другими лишь в «приглушенном», ослабленном виде, в состоянии промежуточном между памятью и амнезией, благодаря вытеснению наиболее острых и травматичных моментов из активной коммеморации.

Таким образом, заключает автор, оперирование социальной памятью в условиях трансформирующегося общества амбивалентно и может иметь как конструктивные, так и рискогенные эффекты. В этом состоит сложность выстраивания целенаправленной политики конструирования социальной памяти. Поэтому в условиях России представляется обоснованной именно принятая позиция в отношении социальной памяти, которая потребовала переинтерпретации символов в порядке конструирования новой политики прошлого, сглаживающей былые непримиримые противоречия, существовавшие между используемыми образами и ассоциируемыми с ними концепциями. Однородный семиотический контекст формирующейся новой российской идентичности конструируется на основе принципов расширения значений и смазывания их границ. Конструирование современной российской идентичности происходит в усложненных условиях, усиливающих идентификационные риски. Эти условия созданы, во-первых, глобализацией экономики и культуры, существованием мощных транснациональных социальных субъектов, способных отклонять ход идентификационных процессов, деформируя и гибридируя

формирующуюся идентичность; во-вторых, сложностью и неоднозначностью содержания социальной памяти россиян, осознанное освоение которого несет в себе риск актуализации противоречий и конфликтов, связанных с интерпретациями прошлого. Отсюда, как показывает автор, вытекают определенные сложности работы с социальной памятью в процессе конструирования идентичности. Избранная модель формирования памяти о прошлом основана на принципе сглаживания и нивелирования противоречий между компонентами, из которых конструируется современная российская идентичность: образами и символами дореволюционного прошлого российской монархии; символами советской государственности и идеологии, достижениями общества, представленного советской символикой; целями и ценностями социальной модернизации, которая была и остается базовым проектом будущего, инкорпорированным в конструируемую российскую идентичность. Очевидная взаимная противонаправленность этих компонентов не позволила бы включить их в состав одного и того же идентификационного конструкта, если бы не осуществление ряда перекодировок их символизма, в результате которых актуальные в прошлом противоречия и конфликты между значениями, ассоциируемыми с этими символами, оказываются размытыми, и эти символы могут объединяться в новые структуры, не несущие негативных ассоциаций и способные поддерживать формирующуюся идентичность.

Параграф 3.2. «Образы прошлого: становление коммеморативной основы современной российской идентичности» посвящен коммеморативным технологиям конструирования образов прошлого в структуре формирующейся российской идентичности и возможностям достижения общественного консенсуса в сфере социальной памяти. Автор отмечает, что конструирование социальной памяти посредством построения целенаправленной «политики памяти», формируемой правящей элитой в целях ценностно-смысловожизненной легитимации своей концепции общественного устройства, обеспечивается посредством применения

коммеморативных технологий, оперирующих глубинными социокультурными кодами и перекодирующих их символические структуры так, чтобы они могли стать опорными узлами легитимирующей концепции. Мера объективности и реальной историчности такой конструкции определяется принципиальной селективностью коллективной памяти о прошлом, содержание которой может быть концептуализировано только и исключительно путем сочетания коммеморации и социальной амнезии.

Спонтанно конструирующаяся в «социальной горизонтали» память общества тоже представляет собой в своей фактуре динамическое единство актуализации воспоминаний и социальной амнезии, но ее формирование происходит посредством стихийного поиска общественным сознанием такой системы представлений о прошлом, в которой совмещались бы терапевтичность по отношению к неизжитым травмам и негативным компонентам самоидентификации – и широта репрезентации памяти индивидов и групп. Она включает память разнообразных культурных меньшинств, подвергающуюся эксклюзии в официальных конструкциях «политики памяти», что дает возможность либо проговорить и проработать травмирующие воспоминания, сформировать к ним осознанное отношение и уменьшить их негативное влияние на настоящее, - либо найти в преимущественно негативном образе прошлого стимул и источник конфликта. Официальная политика памяти, вписанная в консервативный проект будущего, предлагаемый современной российской элитой, нацелена на то, чтобы сгладить остроту долговременных противоречий и обеспечить интеграцию противоречащих друг другу версий прошлого российского общества и государственности в жизнеспособную структуру легитимирующей сложившийся порядок коллективной идентичности.

Этой цели служит конструирование образов исторических событий, селекция которых официальной политикой памяти направлена на поиск таких из них, содержание и аксиологический контент которых таковы, что в ходе коммеморации этих событий превалирует акцент на интеграцию, а не на

конфликт противоречащих друг другу смыслов. В российской политике памяти это, прежде всего, образ Великой Отечественной войны, способный убедительно свидетельствовать о возможности и явленности в истории национального единения, побеждающего трагическую разобщенность и противоречия. Конструирование современного официального нарратива о ВОВ и победе над фашизмом способствует закреплению ценностей патриотизма как превышающих ценности социально-групповой, этнической и конфессиональной солидарности. И в то же время на уровне виртуального общения в социальных сетях, практики реконструкций и других массовых форм коммеморации формируется и закрепляется личностно-ориентированный, питаемый семейными воспоминаниями, эмоционально насыщенный образ ВОВ, ассоциируемый с экзистенциальной трагедией человека на войне, значимостью общественного долга, превышающего все личное. Память о ВОВ может рассматриваться в качестве примера формирования позитивного коммеморативного консенсуса между элитой и гражданским обществом как ядра становящейся национальной идентичности, в качестве опыта аутентичного переживания такого консенсуса. Обществу и элите необходим именно такой коммеморативный консенсус по поводу интерпретации прошлого. Такой консенсус, по мнению автора, может возникнуть при совпадении векторов официального целенаправленного конструирования образов прошлого, работающих на снижение общественного противостояния и формирование позитивной смысловой нагрузки национальной идентичности, и спонтанной коммеморативной активности групп и индивидов в контексте самопозиционирования гражданского общества как субъекта социальной памяти.

В **Заключении** подводятся общие итоги работы, формируются окончательные выводы.

**Основное содержание диссертационного исследования
отражено в следующих публикациях:**

Статьи, опубликованные в изданиях Перечня рецензируемых научных журналов, утвержденного ВАК Минобрнауки России:

1. *Живой, А.С.* Социальная амнезия // Гуманитарий Юга России. 2017. № 4. 0,5 п.л.
2. *Живой, А.С.* Компоненты конструирования социальной памяти // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. 0,5 п.л.
3. *Живой, А.С.* Сущность и следствия социальной амнезии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. 0,5 п.л.
4. *Кумыков А.М., Маршак А.Л., Живой А.С.* Социальная амнезия и социальная энтропия в предметном поле социально-философской рефлексии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. 0,6 п.л./ 0,5 п.л.

Другие публикации:

5. *Живой, А.С.* Социальная память: темпоральные аспекты социальной субъектности / А.С. Живой. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017. 1,5 п.л.
6. *Живой, А.С.* Социальная память: методологические подходы к исследованию/ А.С. Живой. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017. 1,5 п.л.